

*Л. А. Бойко**

УЧЕНИЕ И. А. ИЛЬИНА О СУЩНОСТИ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается специфика учения И. А. Ильина о сущности философствования. Теория духовно-предметного опыта составляет основу учения Ильина. Очевидность, правосознание, совесть и любовь — основание духовного бытия человека. Философская гносеология, методология научной очевидности, социальная философия права, общество, государство, философия совести и доброты, философия эстетического восприятия, философия религии и откровения имеют онтологический смысл, являются реализацией духовно-предметного опыта. В статье проведен историко-сравнительный анализ, показавший, что философия И. А. Ильина родственна традициям русской религиозно-философской мысли, что ставит под сомнение утверждения ряда исследователей о гегельянской и гуссерлианской направленности философии русского мыслителя.

Ключевые слова: русская философия, духовный опыт, интуитивизм, духовная очевидность, феноменология, онтологическая гносеология.

L. A. Boyko

I.A. ILYIN'S TEACHING ABOUT THE ESSENCE OF PHILOSOPHY

The proposed article considers the specifics of I. A. Ilyin's teaching on the essence of philosophizing. The theory of spiritual and objective experience forms the basis of Ilyin's teaching. Evidence, legal awareness, conscience, and love are the foundation of a person's spiritual existence. Philosophical epistemology, the methodology of scientific evidence, the social philosophy of law, society, the state, the philosophy of conscience and kindness, the philosophy of aesthetic perception, the philosophy of religion and revelation have an ontological meaning, are realizations of spiritual and objective experience. This article contains a historical and comparative analysis, which showed that the philosophy of I. A. Ilyin is related to the traditions of Russian religious and philosophical thought, which puts into question the assertions of some researchers about the Hegelian and the Husserlian orientation of philosophy of the Russian thinker.

* Бойко Лариса Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Кубанский государственный университет; boyko-larisa@inbox.ru

Keywords: Russian philosophy, spiritual experience, intuitionism, spiritual evidence, phenomenology, ontological epistemology.

В истории русской духовности XX столетия творчество И. А. Ильина занимает особое место. Посвятив немало времени изучению истории богословия и религиоведения, классической немецкой диалектики и феноменологии, освоив наследие отечественной философии, этот мыслитель развил свое учение об очевидности применительно к конкретной духовности русского православия [3]. В этом, собственно, отличие философских убеждений И. А. Ильина от идей, выдвигавшихся, например, Розановым и Ивановым, Бердяевым и Шестовым. Да и вообще, учение И. А. Ильина ни к одному из традиционных направлений русской философии — философии «цельного духа» славянофилов, соловьевской метафизики всеединства с ее разнообразными модификациями и т. д. — не может быть отнесено.

Главной особенностью творчества Ильина является феноменологическая теория духовно-предметного опыта (или опыта «духовной очевидности»). Именно она лежит в основе его учения о предмете, методе и специфике философского знания.

Во всех работах, посвященных проблеме сущности философствования, И. А. Ильин постоянно подчеркивал, что последнее изначально предполагает опыт духовного бытия и предметной очевидности. «Философия всегда имеет единое задание: раскрыть с силою разумной очевидности подлинное содержание предмета», она есть «опыт духовно-предметной очевидности» [7, с. 16, 18]. По своему методу философия — наука в «строгом и подлинном значении этого слова». Ильин справедливо полагает, что научная природа философии заключается в ее самостоятельном, объективном и едином для всех предмете, в ее систематическом методе, опоре на логическую доказательность. Философия организует свой предметный опыт, проверяет свое интуитивное восприятие, анализирует, синтезирует и доказывает. Она представляет собой «систематическую практику духовного опыта» или «систематически осуществляемую интуицию, направленную на сам предмет, на его духовную сущность».

И. А. Ильин глубоко усвоил не только классические традиции мировой философской мысли, но и верно оценил место и значение в этом процессе русской религиозной философии. Он был убежден, что отечественная философия должна пересмотреть свое призвание, уточнить свой предмет и метод в свете «всех пережитых блужданий и крушений», добиваясь «ясности, честности и жизненности». По его мнению, русская философия должна отойти от подражания западным образцам. Ей более пристало не выдумывать и копировать, а обратиться к глубинам национального духовного опыта, стать «убедительным и драгоценным исследованием духа и духовности». Обновление и расцвет русской философии И. А. Ильин связывал с отказом от праздного умствования и соблазнительного абстрактного конструирования. Только на этом пути философская мысль сможет дать русскому народу, человечеству в целом «что-нибудь значительное, верное и глубокое». В ином случае она «окажется мертвым и неуклюжим грузом в истории русской культуры».

Основными составляющими философской методологии как целостного и единого «пути к истине», по Ильину, являются «очевидность, совесть, правосознание, художественное видение и любовь». Только эти начала дают возможность постичь исследуемый духовный предмет, так как именно они составляют истинное основание опыта духовного бытия человека. Принцип духовной очевидности выражает способность к опыту непосредственного созерцания предмета; нравственное начало совести необходимо для постоянного очищения душевно-духовных сил и воспитания добродетели; правосознание развивает волю и достоинство человека, чувство любви и преданности ближним и Родине; художественно-эстетическая способность укрепляет опыт созерцания внутренней сущности вещи через ее выразительные, внешние качества.

Смысл философии состоит, по Ильину, в познании Бога и Божественной основы мира, а именно в изучении истины, добра и красоты как исходящих от Бога. Русский философ связывал упадок современной культуры с духовной деградацией общества, «кризисом безбожия», высказывая при этом надежду, что европейскому человечеству еще предстоит долгий и трудный путь религиозного возрождения.

В своей книге «Религиозный смысл философии» Ильин писал, что философия с самого начала приняла в себя тот предмет, в аффективно-иррациональном переживании которого пребывала религия [7, с. 39]. Взаимодействие между философией и религией превращалось в их живое и жизненное единство. По Ильину, «это единство определяется формулой: целостная духовная предметность души» [7, с. 59]. Единство философского и религиозного сознания объясняется их общим предметным основанием, которое выражается в категории жизни. Религия, как известно, есть устремленность личности к абсолютной жизни, опыт духовного и телесного утверждения в ней. Она есть сама жизнь, взятая в ее целостном и безусловном смысле. Философия же является наукой о жизни, т. е. систематическим познавательным раскрытием того, что составляет самую глубокую основу жизни — ее духовного смысла. «Философствовать, — подчеркивает Ильин, — значит воистину жить и мыслью освещать и преображать сущность подлинной жизни» [7, с. 27]. И философия, и религия едины в качестве жизненно-духовного опыта абсолютного бытия. Они имеют единый предмет (Абсолютное), но различаются по форме и методу. Религия есть жизненно-непосредственный, интуитивный опыт общения с Божеством, философия — это осмысление и разумное созерцание данного опыта. Характеризуя гегелевские воззрения по этому вопросу, Ильин отмечает, что «наука (философия) — объективна и божественна. Она есть раскрытая и осуществленная система подлинного бытия Божия» [8, с. 173]. Для Ильина философия есть всегда ясный и честный взгляд, жизненное исследование духа и духовности, неотделимое от предметно обоснованных выводов. Главный порок философии он усматривал в стремлении рассудка навязывать жизни законы человеческой логики, подчинять саму жизнь умозрительным схемам.

Следует отметить, что проблема раскрытия религиозной природы философии волновала многих русских мыслителей Серебряного века. Так, например, особый интерес представляют воззрения по этому вопросу одного из совре-

менников Ильина — С. Н. Булгакова. Отвечая на вопрос о том, «как возможна религиозная философия», Булгаков очень точно заметил, что

если действительно в основе философии лежит некое «умное ведение», непосредственное, мистически-интуитивное постижение основ бытия, другими словами, своеобразный философский миф, хотя и не имеющий яркости и красочности религиозного, *то всякая подлинная философия мифична и постольку религиозна, и потому невозможна иррелигиозная, «независимая», «чистая» философия* [1, с. 77].

Как и для Ильина, философия для Булгакова является богословием, т. е. «богоисканием, богоисследованием, богомышлением».

Посвятив много времени исследованию философских систем прошлого, сделав их содержание частью собственного мировоззрения, Ильин не считал необходимым для философа создавать философскую систему. Жизненное призвание философа — в предметном созерцании и мышлении. «А систематический строй он должен спокойно предоставить самому предмету: если его предмет в самом деле, есть “система”, то его философия верно передаст и изобразит ее».

Ильин продолжил традицию русского философствования, в лучших образцах которого всегда на первый план выдвигались практические запросы жизни, задачи духовного становления личности. В соответствии с указанными предметными принципами «феноменологии духовного опыта» русский мыслитель формулирует проект собственной философской «системы», включающей в себя:

- философскую гносеологию и методологию «научной очевидности»,
- социальную философию права, общества и государства;
- нравственную философию совести и доброты (этику);
- философию эстетического восприятия и художественности, и, как завершение — философию религии и откровения.

Каждая из этих частей имеет, по словам Ильина, онтологический смысл, ибо является определенной реализацией духовно-предметного опыта, т. е. онтологического утверждения в субъективном духе самого предмета.

С его точки зрения, философский опыт дается только через самоотжествление познающего духа с предметом, и поэтому он онтологичен во всех своих проявлениях. Такой безусловный онтологизм был определен основным мировоззренческим постулатом мыслителя, выразившего в нем реалистический и универсалистский характер русского духа и русской культуры: «... сначала — *быть, потом действовать и лишь затем из осуществленного бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного желания — философствовать*» [5, с. 368].

Как уже говорилось, учение И. А. Ильина имеет четко выраженную феноменологическую направленность. В основание философствования оно ставит принципы интуитивного созерцания и систематического описания смысловой стороны предмета как изначально данной познающему субъекту духовной очевидности.

В новейшей философии феноменология связывается прежде всего с феноменологией Гуссерля, оказавшего влияние и на русских мыслителей, в т. ч. и на Ильина. Однако анализ его трудов указывает и на другие источники его

учения, в первую очередь на Гегеля. Не случайно И. А. Ильину принадлежит первое фундаментальное исследование философии Гегеля в России. В нем молодой ученый проявил себя не только учеником, но и глубоким, оригинальным интерпретатором философии великого немецкого мыслителя, а именно: он доказал ограниченность широко распространенного представления о философии Гегеля как системе абстрактного панлогизма. Согласно точке зрения Ильина, для Гегеля идея есть конкретный принцип, а гегелевская спекуляция представляет собой интуицию, направленную на конкретно-идеальное бытие.

И. А. Ильину удалось не только ясно и последовательно изложить сущность и основное содержание философии Гегеля, но и дать конструктивную модель многих ее положений, сформулировав при этом целый ряд собственных оригинальных философских идей, в т. ч. и по вопросу о сущности философии. Так, например, интерпретируя гегелевское учение о понятии и науке, Ильин высказывает и обосновывает мысль о духовно-предметной природе философского познания, главная специфика которого заключается в отождествлении субъекта со своим предметом, их взаимопроникновении.

Философия есть адекватное познание абсолютного Предмета. Она возможна благодаря тому, что абсолютный Предмет вступает неискаженно в сферу человеческой души, овладевает ее силами и ее живую ткань и подлинно осуществляет себя в ней, заполняя ее своим живым присутствием. Не угашая сознания, не угашая его субъективность, душа человека живет Предметом, творя его волю и ритм; а Предмет живет душой, раскрывая себя в ее сознании, как в своем, познавая себя ею и предоставляя ей познать себя. И в этом совпадении душа познает Предмет как свою абсолютную сущность, а предмет присутствует в душе как в своей живой части [8, с. 160].

Первоначальное влияние концепции философии Гегеля на соответствующую концепцию Ильина очевидно, но вряд ли правомерно считать русского философа неогегельянцем. Пафос гегелевского абсолютного рационализма, склонного к «искусственной» системности, был в целом для него чужд. К тому же И. А. Ильин понимает душевно-духовное «внутри нас» не только как «внутри каждого из нас», но и как «внутри нас всех вместе». Человеческая личность для него — открытая система, она не замыкается на себя, а общается с другими личностями. Ему свойственно характерное для русского умонастроения чувство соборности, общности всех людей в едином душевно-духовном поле.

В своих размышлениях о природе и назначении философии Ильин специальное внимание уделяет гуссерлианскому методу философствования. В частности, его интересует мысль Гуссерля о том, что анализу того или иного предмета должно предшествовать его интуитивное переживание. В этом пункте русский мыслитель оказывается солидарным с немецким феноменологом. Ведь именно в гуссерлианской феноменологии созерцательное «погружение» духа в сущность предмета мыслится не как логико-систематический и рационально-объяснительный процесс, но как жизненно-интуитивное, «смысло-описательное» действие «чистого» сознания. В первом случае мы имеем дело со спекулятивной диалектикой, до конца объясняющей сущность предмета, во втором — с процедурой ее описания. Феноменологический подход как раз

и не требует обязательного системного конструирования смысла предмета, на чем, собственно, и настаивает Ильин. В то же время и гуссерлианскую феноменологию нельзя считать высшей и единственной интенцией его учения. Отвлеченный и субъективистский характер данной философской парадигмы не мог удовлетворить Ильина как мыслителя, ориентированного на другой тип мирозерцания. Склонность к конкретному и «жизненному» философствованию особенно отчетливо просматривается в оценке и интерпретации Ильиным учения И. Г. Фихте. Высшую ценность его творчества русский мыслитель усматривал в теории религиозного откровения как истинного и божественного источника духовного опыта философии [6, с. 54–69]. «Душа философа, — пишет И. А. Ильин, — ищет этого единственного верного знания: она непоколебимо верует в разум и ждет от него того сверхличного раскрытия (т. е. откровения. — Л. Б.), которое дается в непосредственно-интуитивной и в то же время разумной очевидности» [6, с. 58].

Характеру Ильина особенно близок тот тип философствования, который был создан русскими религиозными мыслителями, хотя и среди них он остается весьма самобытным философом.

Так, например, с родоначальниками русской философской мысли XIX в. А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским Ильина объединяет теория цельности духа (разума) и концепция «живознания». Из этих учений следует, что главная особенность философского познания заключается в онтологически обусловленном единстве познающего субъекта со своим объектом, т. е. предметом. Указанные мысли славянофилов по сути предвосхищали некоторые исходные положения феноменологической философии XX в. Кроме того, в поздних работах Владимира Соловьева, например трактате «Теоретическая философия», основатель русской метафизики всеединства учит о *philosophia prima*, основой которой являются концепция «чистого сознания» и идея беспредпосылочности и самоочевидности логического мышления. Теория цельного знания Соловьева, предполагающая единство всех духовно-душевных сил человека в деле познания истины, также оказала влияние на концепцию духовно-предметного опыта Ильина.

Специального рассмотрения требует вопрос о соотношении теории философского знания С. Л. Франка и Н. О. Лосского и учения о сущности философствования Ильина, поскольку все три мыслителя, хотя каждый по-своему, выступают, в сущности, теоретиками интуитивного познания. Как известно, смысл учения русских интуитивистов о предмете философии сводился к «онтологической гносеологии», согласно которой подлинно сущее, целостное бытие (как всеединство) постигается в первую очередь непосредственным, «живым», созерцательным знанием, т. е. интуицией (в ее разнообразных формах). Это интуитивное знание, где познающий субъект изначально «обладает» объектом-предметом, является основой и предпосылкой для последующего отвлеченно-логического познания. В частности, С. Л. Франк писал об опыте первичного живого знания, где познаваемый предмет не противостоит познающему извне, а слит с самой духовно-душевной жизнью человека, изначально присутствует в ней, и, таким образом, сам открывает себя человеку.

Русские интуитивисты соотносили также первичное, интуитивно-созерцательное восприятие предмета с опытом постижения его трансцендентной

сущности, что нашло свое выражение в учении о «непостижимом» (трансрациональном, металогическом) Франка и концепции мистического интуитивизма (мистического эмпиризма) Лосского. Оба учения обосновали идею непосредственного «погружения» познающего сознания в предмет, столь близкую для Ильина.

Итак, проведенный историко-сравнительный анализ показывает родственность концепции философии И. А. Ильина традициям русской мысли, что ставит под сомнение утверждения некоторых исследователей (Зеньковского [4], Бердяева и др.), о «гегельянстве», «гуссерлианстве» Ильина.

Феноменология духовно-предметного опыта И. А. Ильина, лежащая в основе его учения о сущности философии, действительно брала свое начало в концепциях Гегеля, Гуссерля, Фихте. Однако эта вполне закономерная историко-философская преемственность вовсе не означает эпигонства и подражания. Напротив, Ильину вполне удалось творчески подойти к немецкому трансцендентализму, развить и соединить его с некоторыми важными идеями и принципами новой отечественной философской культуры и дать вполне самобытный синтез.

Разумеется, это творческое развитие нельзя считать систематическим и завершенным: сказалась неразработанность онтологической проблематики, пафос «антисистемности», устремленность к практическим, социально-философским и политическим исследованиям. Тем не менее сама тенденция в сторону системности достаточно четко просматривается во всем философском творчестве русского мыслителя, которое отличается цельностью, последовательностью и внутренней логической стройностью. Проект «новой философии» Ильина имел систематический характер и был не только намечен, но и во многом реализован (особенно в области социальной философии, этики, эстетики, философии религии). Предпосылкой и основанием этой системообразующей тенденции как раз и явилось учение о сущности философии И. А. Ильина, представлявшее собой сложное и органичное сочетание идей диалектики Гегеля, феноменологии Гуссерля, философии религии и откровения Фихте, европейской философии жизни (с элементами художественно-философского, «экзистенциального» размышления), с одной стороны, и разнообразных принципов цельного христианского мирозерцания славянофилов, В. С. Соловьева, интуитивизма С. Л. Франка и Н. Лосского — с другой.

Это позволяет нам говорить о концепции философии И. А. Ильина как об одном из наиболее значительных достижений русской религиозно-философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
2. Бойко Л. А., Бойко П. Е. Всеобщая диалектика религиозного сознания Г. В. Ф. Гегеля и перспективы развития христианской идеи // Ученые записки Орловского государственного ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 2 (40). — С. 89–92.

3. Ермичёв А. А. «Русский Ренессанс», «Серебряный век»: общее пространство, начала, границы, сближения... // Вестник РХГА. — 2012. — Т. 13, вып. 2. — С. 95–103.
4. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. — Л., 1991. — Т. 2, кн. 2.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993. — 431 с.
6. Ильин И. А. Соч.: в 2 т. — М., 1993. — Т. 1. — 400 с.
7. Ильин И. А. Соч.: в 2 т. — М., 1994. — Т. 2. — 496 с.
8. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. — СПб.: Наука, 1994. — 541 с.